

Олег Пет

ИНОЙ : ЭВОЛЮЦИЯ

18+

Олег Пет Иной: Эволюция

<https://litres.ru/74390254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она шла на зов, не зная, что ответит ей тишина.

Доктор Элина Восс — биолог, отправленная на мёртвую планету Геенна-9, чтобы расшифровать сигнал, закодированный в структуре ДНК. Но то, что она находит там, не поддаётся логике. Спускаясь в недра станции, где стены покрыты человеческой кожей, а голоса мёртвых шепчут её имя, Элина узнаёт правду, которая переворачивает всё. ..

Олег Пет

Иной: Эволюция

«Иной: Эволюция»

Пролог

Звёзды не молчат. Они кричат, но их голос слишком низок для человеческих ушей, слишком древен для человеческих глаз. Мы слышим только отголоски — то, что долетает до нас через миллионы лет, и ошибочно принимаем этот шёпот за тишину.

Корабль «Ковчег» с исследовательской миссией, висел в пустоте уже двести тридцать семь дней. Его корпус, когда-то сияющий, теперь был испещрён микрометеоритами, как старое лицо — морщинами. Внутри пахло металлом, озоном и ещё чем-то — тем неуловимым запахом, который остаётся, когда люди живут слишком долго в замкнутом пространстве. Запахом одиночества.

Доктор Элина Восс сидела у иллюминатора и смотрела на планету, которая медленно росла впереди. Геенна-9 — се-

рая, мёртвая, как старый камень, забытый на обочине Вселенной. Но она знала, что внутри этого камня есть жизнь. Она не была похожа на ту, что знает Земля.

Она провела пальцами по стеклу, и на нём остался едва заметный след. Стекло было холодным, как и всё вокруг. Она не помнила, когда в последний раз чувствовала тепло — настоящее, живое, не от обогревателей и не от чужого тела. Тепло, которое не нужно искать. Настоящее и родное.

— Доктор Восс, мы подходим к точке посадки. Выход через два часа.

Голос из динамика был ровным, механическим. Элина не ответила. Она продолжала смотреть на планету, которая всё приближалась.

Сигнал пришёл четыре месяца назад. Слабый, прерывистый, но явно не случайный. Он был закодирован в структуре ДНК — в той самой двойной спирали, которая когда-то так испугала первых колонистов, поселившихся на Геенне -9. Это было похоже на зов. Или на предупреждение.

Она встала, подошла к столу, где лежали старые записи. На верхнем листе было написано от руки, почти неразборчиво, дрожащим почерком: «Возможно. Они не убивают. Они

собирают. Собирают боль, память, страх. Они хотят понять, почему мы не такие, как они». Подпись отсутствовала.

Когда я написала это? - голос прозвучал глухо

Элина смотрела на эти слова, и в её груди что-то сжималось — не страх, не надежда, а что-то среднее, то, что бывает у человека перед тем, как он переступает порог, за которым нет возврата.

Она положила лист обратно и вышла из каюты. Коридор был пустым, только свет ламп дрожал в такт дыханию корабля. Где-то внизу гудели двигатели, и этот звук был единственным напоминанием о том, что они ещё не превратились в пыль.

На входе в шлюзовую камеру она остановилась и посмотрела на своё отражение в полированном металле. Лицо было бледным, глаза — серыми, как та планета за окном. Она не знала, увидит ли их снова. Но это было неважно. Важно было то, что она слышала зов. И она шла на него, как идут на свет в полной темноте, не зная, что там — спасение или конец.

Она нажала кнопку открытия шлюза, и холодный воздух метнулся в шлем. За стеклом простиралась пустота, и в ней не было ничего, кроме тишины. Но где-то там, на серой поверхности, ждал ответ.

Глава первая

Сто сорок третий день полёта. «Ковчег» двигался по инерции, и его двигатели молчали, как молчат все машины, когда их работа не нужна. Внутри было тихо — только гул вентиляции, только слабое потрескивание ламп, только голос диспетчера, который раз в сутки проверял связь с Землёй и получал в ответ ту же самую пустоту.

Элина Восс сидела в лаборатории, перед монитором, на котором бежали строки данных. Она смотрела на них уже час, но ничего не менялось. Те же цифры, те же графики, те же спектры, которые она знала наизусть. Она могла бы закрыть глаза и всё равно увидеть их — они въелись в её память, как шум въедается в тишину.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела в иллюминатор. За стеклом была тьма. Не та тьма, которую видишь на Земле, когда закрываешь глаза, — а настоящая, абсолютная, бесконечная. В ней не было звёзд, потому что «Ковчег» находился в межзвёздном пространстве, где свет от ближайших солнц ещё не долетел. Только чёрный бархат, в котором можно было раствориться, как капля чернил в океане.

— Доктор Восс, вы снова не спите.

Голос Робертса прервал её мысли. Он стоял в дверях, держа в руках кружку с остывшим кофе. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени — он тоже не спал.

— А вы? — спросила она, не оборачиваясь.

— Я уже забыл, как это — спать, — сказал он, проходя в комнату и садясь рядом. — Все эти дни одинаковы. Одинаковые лица, одинаковые разговоры, одинаковый вкус еды.

— Это называется стабильность, — ответила она.

— Это называется смерть, — тихо сказал он. — Медленная, безболезненная, но смерть.

Он поставил кружку на стол и уставился на монитор, на котором всё так же бежали строки данных. Ему казалось, что он видит их уже сотню лет.

— Мы ищем что-то, чего нет, — сказал он. — Мы летим в пустоту, потому что нам некуда больше лететь. Земля устала от нас, а мы устали от Земли.

— Это наше задание - исследовать район Мертвых Пла-

нет Созвездия К-46, что они там думают найти? За это нам платят.

Элина не ответила лишь пожала плечами. Она думала о том, что он прав, и о том, что это неважно. Важно было только движение — само по себе, без цели, без смысла. Как дыхание, как сердцебиение.

На сто сорок пятый день всё изменилось.

Сигнал пришёл в четыре утра по корабельному времени. Элина спала в своей каюте, когда её разбудил резкий звук аварийной сирены — короткий, прерывистый, похожий на крик. Она вскочила, не успев надеть халат, и побежала в лабораторию.

Там уже были все: Робертс, Ларсен, Сантьяго, Холмс. Они стояли у главного пульта, и на экране пульсировала точка — слабый, прерывистый сигнал, который шёл откуда-то извне.

— Что это? — спросила Элина, подходя ближе.

— Мы не знаем, — ответил Робертс. — Это не навигационный маяк, не аварийный позывной. Это что-то другое. Оно закодировано.

Он нажал несколько клавиш, и на экране появилась струк-

тура — двойная спираль, которую она узнала бы где угодно.

— ДНК? — переспросила она.

— Да, — сказал Ларсен. — Кто-то или что-то закодировало сообщение в последовательности нуклеотидов. Это не может быть случайностью.

Они переглянулись. В комнате повисла тишина, нарушаемая только слабым гудением приборов.

— Откуда идёт сигнал? — спросила Элина.

Сантьяго подошёл к карте звёздного неба и указал на точку в секторе, который был отмечен серым.

— Геенна-9, — сказал он. — Та самая планета, где была колония «Дельта-7». Мы думали, что она пуста. Думали, что все погибли.

Элина подошла к карте и посмотрела на планету, которая была отмечена как «необитаемая, нерекомендуемая для контакта возможна инопланетная форма жизни ». Она смотрела на неё, и в её груди что-то дрогнуло — не страх, не надежда, а что-то среднее.

— Расшифруйте его, — сказала она.

Робертс сел за компьютер, начал набирать код. Через десять минут он остановился и поднял глаза.

— Я не могу прочитать всё, — сказал он. — Но некоторые фрагменты я перевёл. Там написано: «Не убивают. Собирают. Боль. Память. Страх. Почему не такие. Спасите.».

Он замолчал, и его лицо стало бледнее обычного.

— Это похоже на... — начал он, но не закончил.

Элина знала, что он хотел сказать. Это было не сообщение, не предупреждение — это был крик. Чей-то крик, записанный в самой структуре жизни.

Она повернулась к остальным, и её голос был ровным, как поверхность воды перед штормом.

— Мы идём туда, — сказала она. — Мы должны понять, что это.

— Это безумие, — сказал Холмс. — Мы не знаем, что там.

— Мы знаем, что там есть жизнь, — ответила Элина. —

И это больше, чем мы знали вчера.

Она посмотрела в иллюминатор, где всё ещё была тьма. Но теперь она знала, что в этой тьме есть кто-то, кто ждёт. И это меняло всё.

Они разошлись по своим каютам, но никто не спал. «Ковчег» медленно менял курс, и его двигатели загудели, напоминая всем, что они снова движутся, снова ищут, снова надеются.

Элина сидела на своей койке, смотрела на фотографию Земли, которая висела на стене, и думала о том, что они возвращаются не домой. Они возвращаются к началу. К тому, с чего всё началось.

Она закрыла глаза и попыталась представить, что ждёт их впереди. Но она не могла. Потому что то, что она представляла, было слишком страшным, чтобы быть правдой.

Или слишком простым, чтобы в него верить.

Глава вторая

Посадка была жёсткой. «Ковчег» ударился о поверхность планеты с глухим металлическим стоном, и на мгновение Элине показалось, что обшивка не выдержит — треснет, как

яичная скорлупа, и наружу хлынет вакуум. Но корпус выстоял, как выстаивал всегда, и только вибрация долго ещё гуляла по полу, заставляя дрожать чашки в столовой.

Она сидела в кресле, пристёгнутая ремнями, и смотрела на монитор, где мелькали цифры давления, температуры, уровня кислорода. Всё было в пределах нормы. Почти идеально. Слишком идеально для места, где никто не живёт.

— Атмосфера пригодна для дыхания, — голос инженера Ларсена раздался из динамика, сухой и официальный. — Давление в норме, радиационный фон ниже среднего. Можно выходить.

Элина отстегнула ремни и встала. Ноги немного дрожали — от долгого сидения или от напряжения, она не знала. Она прошла к выходу, где уже собрались остальные члены экипажа. Их было пятеро: Ларсен, механик, вечно хмурый; Сантьяго, геолог с глазами цвета мокрого песка; Робертс, ответственный за охрану от Корпорации, который говорил быстро и много; и Холмс, пилот, молчаливый и бесцветный, как его комбинезон.

— Мы идём на сигнал, — сказала она. — Только на сигнал. Никаких отклонений от маршрута.

— Ты думаешь, они нас ждут? — спросил Сантьяго, поправляя шлем.

— Я думаю, что сигнал не случайный, — ответила Элина.
— И я хочу знать, кто его отправил.

Она нажала кнопку открытия шлюза. С шипением, похожим на вздох, дверь отошла в сторону, и на них пахнул воздух планеты — сухой, пыльный, с едва уловимым запахом серы и чего-то ещё, что она не могла определить. Он был мёртвым и одновременно живым, как застывшая лава, в которой тлеет искра. Фильтры комбинезона работали исправно. Переходить в автономный режим дыхания не было смысла.

Они вышли наружу. Поверхность Геенны-9 была покрыта серой коркой, которая хрустела под ногами, как старая бумага. Горизонт был плоским, безжизненным, и только вдали возвышались скалы, похожие на обглоданные зубы гигантского зверя.

Элина подняла голову. Небо было тёмным, как вода в глубоком колодце, и на нём не было ни одной звезды. Только тусклый свет местного солнца пробивался сквозь плотные слои облаков, и он был холодным, негреющим, как свет далёкой лампы.

— Сигнал идёт с востока, — сказал Робертс, глядя на портативный сканер. — Примерно в двух километрах. Там что-то есть. Можно было послать дроны, но сигнал идет из-под земли.

Они пошли. Шаг за шагом, оставляя следы в пыли, которая не знала ветра. Транспортёр не завелся и его пришлось оставить на корабле.

Тишина была плотной, почти осязаемой — она давила на уши, заполняла пустоту между ними, как вода заполняет трещины в камне.

Через час они добрались до места. Это была станция колонистов — старая, заброшенная, с обломанными антеннами и проржавевшими стенами. Она стояла на краю расселины, и её тень падала на дно ущелья, где внизу чернела бездонная тьма.

— Ничего не работает, — сказал Ларсен, осматривая панель управления. — Питание отключено. Но есть резервный генератор, если запустить его вручную.

— Запускай, — сказала Элина.

Она вошла внутрь. Внутри пахло пылью, застоявшимся

воздухом и ещё чем-то — знакомым и чуждым одновременно. Стены были покрыты инеем, и на них блестели кристаллы льда, как слёзы, замёрзшие на веках.

Она прошла в центр комнаты и остановилась. Там, на столе, лежал дневник. Старый, в кожаном переплёте, с выцветшими страницами. Она открыла его и прочитала первую запись:

«Мы пришли сюда, чтобы найти ответы. Мы нашли только вопросы. Они не умирают, они ждут. И они слышат нас лучше, чем мы слышим их. Это лучшее творение для тех кто наблюдает. Их оружие и наказание.».

Элина закрыла дневник и убрала его в рюкзак. За спиной звякнул инструмент — Ларсен возился с генератором. Где-то в глубине станции что-то упало, и звук отозвался эхом, как далёкий стук сердца.

— Готово! — крикнул Ларсен. — Свет будет через минуту.

Через минуту зажглись лампы. Свет был тусклым, жёлтым, как масло в старой лампе. Он выхватил из темноты столы, стулья, пустые контейнеры и — на дальней стене — надпись, сделанную от руки, торопливо, почти в панике:

«ОНИ ВНУТРИ».

Элина стояла перед этой надписью и чувствовала, как холод поднимается по позвоночнику, как воздух становится гуще, как сердце начинает биться в унисон с чем-то, что было за стенами.

— Внутри чего? — спросил Робертс, подходя ближе.

— Внутри и вокруг нас, — тихо ответила она.

И в этот момент свет погас. Снова наступила тьма, но теперь она была другой — живой, пульсирующей, как будто кто-то дышал за их спинами.

Элина слышала, как тяжело дышит Ларсен, как сжимает оружие Сантьяго, как Робертс бормочет что-то себе под нос. И она слышала ещё кое-что звук, которого не было раньше. Словно кто-то скрёб по стенам изнутри. Медленно, ритмично, как будто считал время до конца.

— На выход, — сказала она. — Быстро.

Но когда они повернулись к двери, она уже была закрыта. Не сломана, не заперта — просто закрыта наглухо, как будто кто-то задвинул её изнутри.

— Нам нужно найти другой выход, — сказал Ларсен, и голос его дрожал.

Элина достала фонарик, направила луч света на стену. Там, где раньше была надпись, теперь было пусто. И только на полу, в пыли, кто-то оставил след — не человеческий след, а что-то другое, длинное и узкое, как отпечаток пальца, но больше в три раза.

Она наклонилась, посмотрела на этот след, и в её голове всплыла та единственная мысль, которую она надеялась никогда не думать:

— Они не ушли. Они всегда были здесь.

Она выпрямилась и сказала, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем было на самом деле:

— Идём. Мы найдём выход.

Но в глубине души она знала: выход не в том, чтобы уйти. Выход в том, чтобы понять. И она не была уверена, что готова это сделать.

Глава третья

Они шли по коридору, и свет фонариков вырывал из темноты то обломки мебели, то ржавые трубы, то пятна на стенах, которые лучше было не рассматривать.

Запах становился гуще — не серы, а чего-то органического, разлагающегося, но без сладости гниения. Он был сухим, как старая кожа, и он проникал в лёгкие, даже через фильтры, оседал на языке, как песок. Но теперь к нему примешивалось нечто новое — запах старой крови, которая не высохла до конца, а застыла вязким слоем на стенах. Воздух был густым, как будто кто-то сварил его из костного мозга и ржавого металла. Элина чувствовала его нёбом, как чувствуют привкус меди, когда долго держат во рту монету. От стен исходило тепло — не живое, не ровное, а пульсирующее, как у больного организма, который пытается согреть себя изнутри. Этот запах, эта температура, эта влажность — всё сливалось в одно ощущение: они внутри кого-то, кто ещё дышит.

Элина шла первой, держа фонарик в правой руке, левую — на поясе, где висел пистолет. Она не знала, поможет ли оружие, но его тяжесть успокаивала, как напоминание о том, что у неё ещё есть выбор. За ней — Робертс, который что-то бормотал, записывая голосовые заметки в диктофон. Он

всегда так делал, когда нервничал. Потом Ларсен, Сантьяго и Холмс. Они шли плотно, почти касаясь плечами, как стая, которая чувствует хищника.

— Справа дверь, — сказал Ларсен, и его голос отскочил от стен, вернулся эхом, искажённым и чужим.

Элина остановилась. Дверь была герметичной, тяжёлой, с круглым иллюминатором, за которым было темно. Она подошла, протёрла стекло рукавом и заглянула внутрь. Сначала ничего — только тьма. Потом, когда глаза привыкли, она увидела комнату, заваленную чем-то, что когда-то было оборудованием. И в центре этой комнаты — фигуру. Человеческую фигуру, сидящую на стуле, лицом к двери.

— Там кто-то есть, — сказала она.

Сантьяго отодвинул её в сторону, прижался лицом к стеклу, потом отшатнулся, как от удара.

— Она мертва, — сказал он. — Давно. Но она смотрит на нас.

Элина попыталась открыть дверь. Замок заклинило, но через минуту он поддался, и створка со скрипом отошла в сторону. Воздух изнутри пах пылью, сухой плотью и чем-то

металлическим.

Она вошла. Фигура сидела на стуле, прислонившись спиной к спинке, и смотрела в пустоту. Это была женщина, когда-то молодая, в потёртом комбинезоне колониста. Глаза её были открыты, но в них не было ни боли, ни страха — только спокойствие, то самое спокойствие, которое приходит, когда человек перестаёт бояться, потому что уже не осталось сил.

На коленях у неё лежал блокнот. Элина взяла его, осторожно, как берут хрупкую вещь, и открыла на последней странице. Почерк был аккуратным, почти печатным:

«Они приходят не за телом. Они приходят за тем, что мы помним. Они хотят знать, что мы чувствовали, когда боялись. Они коллекционируют страх. Они наблюдают всегда наблюдают».

— Что там? — спросил Робертс, заглядывая через плечо.

— Записи, — ответила Элина, убирая блокнот в рюкзак.
— Мы изучим их позже.

Она обошла комнату, осматривая стены. Они были покрыты царапинами — глубокими, параллельными, как будто кто-то водил по ним когтями снова и снова, в одном на-

правления. И в одном месте царапины образовывали слово: «СЛУШАЙ».

Элина прислушалась, и в этот момент с потолка упала капля. Тёплая, липкая, она ударила её по шлему и потекла по скафандру. Элина подняла голову. В слабом свете фонарика она увидела, что потолок был покрыт тонкой, полупрозрачной тканью, похожей на паутину. Но это была не паутина. Это были волосы. Длинные, спутанные, тёмные, они свисали вниз, и среди них — лица. Несколько лиц, плотно прижатых к потолку, с открытыми ртами, из которых не доносилось ни звука. Их глаза были закрыты, но казалось, что они смотрят. Робертс вскрикнул, но его крик утонул в этой тишине. Элина перевела луч на пол. Под ногами она увидела, что пол тоже был покрыт чем-то — не пылью, а тонким слоем той же ткани, и она пульсировала, как кожа живого существа, которое дышит.

Тишина, которая висела в комнате, была не настоящей. Элина слышала, как она трещит по краям, как под её поверхностью что-то скребётся, как тысячи невидимых языков пытаются произнести слова, которые не проходят через уши. Сначала это был просто шум — как далёкий дождь по железной крыше. Но через минуту шум превратился в шёпот. Он был тихим, почти ласковым, и Элина поняла, что это голоса. Не один, а много. Они накладывались друг на друга,

говорили на разных языках, но все повторяли одно и то же: «Не бойся. Не бойся. Не бойся». Она закрыла глаза, и шёпот проник в неё — не через уши, а через кожу, через кости, через самую глубину, где не было никакой защиты. Она сжала челюсти, чтобы не закричать, и в этот момент шёпот стих. Вместо него раздался звук, похожий на чавканье — влажный, ритмичный, как пережёвывание мяса. Он доносился из-за стен, из-под пола, из самого воздуха, и Элина поняла, что это двигаются Глубинные- чудовища, которые уничтожили все. О них и предупреждал навигатор. Они не ступали, они скользили — и каждый их шаг был как глоток.

Элина остановилась. Тишина в комнате стала плотнее, как будто воздух загустел, превратился в воду. Она слышала, как бьётся её сердце, ровно и спокойно, слишком спокойно для человека, который только что нашёл тело. Она слышала дыхание остальных, и оно было неровным, прерывистым. И она слышала ещё кое-что — низкий, почти неслышный гул, который шёл откуда-то снизу, из-под пола.

— Вы это слышите? — спросила она.

— Что? — переспросил Ларсен.

— Гул.

Они замерли. Секунду, две, три. Потом Сантьяго покачал головой.

— Ничего. Только тишина.

Элина прислушалась снова. Гул был там — слабый, но отчётливый, как будто где-то глубоко под землёй работал генератор. Или что-то дышало.

— Может, у тебя галлюцинации? — предположил Холмс, который до этого молчал. — У нас всех может быть. Планета странная, воздух нестабильный.

— Возможно, — сказала Элина. — Но я не могу игнорировать это.

Она вышла в коридор, и они пошли дальше. Через несколько метров коридор расширился, превратился в большой зал, где когда-то был склад. Контейнеры лежали на боку, некоторые были вскрыты, и их содержимое — ящики с инструментами, запчасти, упаковки с продовольствием — было разбросано по полу, как будто кто-то искал что-то важное.

В центре зала стояла клетка. Большая, из арматуры, с замком, который был открыт. Внутри лежал спальный мешок и пустая миска. И на полу, внутри клетки, были те же следы,

что и в коридоре — длинные, узкие, нечеловеческие.

— Они держали кого-то здесь, — сказал Сантьяго, глядя на следы. — Живого.

— Или что-то, — тихо добавил Робертс.

Элина подошла к клетке, открыла дверцу и вошла внутрь. На полу, под спальным мешком, лежала фотография — старая, потёртая, с выцветшими красками. На ней были двое: мужчина и женщина, обнимающиеся на фоне заката. Пляж, море, пальмы. Земля.

Она подняла фотографию, перевернула. На обороте было написано: «Я вернусь. Жди».

Элина спрятала фотографию в карман и вышла из клетки.

Робертс остался внутри. Он опустился на колени, провёл рукой по полу, поднял край спального мешка — и замер.

— Здесь что-то есть, — сказал он. Голос его был тихим, почти безразличным, но в нём дрожала струна, как в натянутой струне старой скрипки.

Он вытащил из-под мешка потёртую тетрадь в кожаном переплёте. Страницы были пожелтевшими, исписанными

мелким, нервным почерком. Он открыл её наугад и прочитал вслух, медленно, как читают вслух то, что не хотят понимать:

«День первый. Я нашёл его в расселине. Оно было маленьким, не больше собаки, и раненым — задняя лапа была сломана, и оно не могло двигаться. Я думал, что оно умрёт. Но оно смотрело на меня, и в его глазах было что-то, чего я не мог объяснить. Не страх, не злоба, а просто ожидание. Я принёс его в клетку. Назвал его Тихим».

Элина вернулась к клетке, встала за спиной Робертса и заглянула в тетрадь. Почерк становился неровнее, строки прыгали.

«День десятый. Оно стало есть из моих рук. Оно не издавало ни звука, просто смотрело на меня, и я чувствовал, что оно понимает. Я начал учить его командам — идти, стоять, ждать. Оно слушалось, но иногда, когда я отворачивался, я замечал, что оно смотрит на меня не так, как раньше. В его глазах появлялось что-то, что я не мог назвать. Не пустота, а что-то, что я мог бы назвать... ожиданием».

Робертс перевернул страницу. Бумага была влажной на ощупь, как будто её держали в руках, когда они дрожали.

«День двадцатый. Оно выросло. Клетка стала ему мала, и

я понял, что не могу держать его вечно. Но я не мог отпустить его. Оно смотрело на меня, и я видел в его глазах не привязанность, а что-то другое. Оно изучало меня, мои привычки, мои слабости. Я перестал спать по ночам. Мне казалось, что я слышу, как оно дышит за стеной».

Робертс замолчал, поднял глаза на Элину. В его взгляде был вопрос, на который она не могла ответить. Он снова опустил глаза и продолжил чтение:

«День тридцатый. Сегодня я понял, что ошибся. Оно не было ручным. Оно было просто терпеливым. Оно ждало, пока я перестану бояться. Оно ждало, пока я привыкну к нему. И этой ночью оно сломало замок. Я слышал, как металл трещит, как его когти царапают пол. Я побежал, но оно нашло меня раньше, чем я успел закрыть дверь. Оно не убило меня сразу. Оно смотрело на меня, и в его глазах было то же самое ожидание. А потом оно ушло. Не знаю, почему. Но я знаю, что оно вернётся. Оно всегда возвращается».

Страница обрывалась. Робертс перелистнул на последнюю запись. Почерк был почти нечитаемым, буквы дрожали:

«Я видел, как оно убивает. Оно не просто убивает — оно собирает. Оно хранит память о тех, кого поглотило. Я знаю, что когда-нибудь оно придёт за мной. И я буду ждать. Я

включил радиомаяк. Возможно, меня спасут».

Робертс закрыл тетрадь и положил её на пол. На мгновение ему показалось, что он слышит тот же звук, что и в записях — царапанье, медленное и ритмичное, как будто кто-то считал время до конца.

Он поднял глаза на Элину. Она стояла неподвижно, глядя на тетрадь, и в её глазах не было страха — только усталость и то, что он не мог назвать.

— Они не ушли, — сказала она тихо. — Они всегда были здесь.

Робертс кивнул, встал и вышел из клетки. Тетрадь осталась лежать на полу, открытая на последней странице, где было написано: «Я буду ждать».

Где-то за стенами снова послышался тот низкий гул, и теперь он был громче, ближе. Он поднимался снизу, проходил сквозь пол, проникал в ноги, в грудь, в голову.

— Нам нужно уходить, — сказал Ларсен. — Прямо сейчас.

— Мы не уйдём, — ответила она. — Мы не знаем, куда

уходить. Единственный путь — вниз.

Она указала на люк в полу, который она заметила, когда вошла. Он был закрыт, но замок был взломан, и вокруг него были те же следы.

— Вниз? — переспросил Холмс. — Ты хочешь спуститься туда, откуда идёт этот звук?

— Я хочу понять, что там, — сказала она. — Это единственный способ выбраться.

Она подошла к люку, взялась за ручку и потянула. Крышка поддалась с глухим металлическим стоном, и из открывшегося проёма пахнуло холодом, сыростью и тем самым запахом — сухим, органическим, который они чувствовали с самого начала.

Внизу было темно, но она видела лестницу, уходящую вглубь, в неизвестность. Она достала фонарик, направила свет вниз, но он не достал до дна.

— Я пойду, — сказала она. — Вы останетесь здесь. Если я не вернусь через час, уходите другим путем к кораблю и летите обратно.

— Это безумие, — сказал Робертс.

— Возможно, — ответила она. — Но я должна это сделать.

Она ступила на первую ступеньку, и лестница закрипела, как будто её не трогали десятилетиями. Потом вторую, третью. Свет сверху становился всё тусклее, звуки с поверхности затихали, и её окружала только тьма и тот самый гул, который теперь был везде — в воздухе, в металле, в ней самой.

Она шла вниз, и каждый шаг был шагом в неизвестность. Где-то наверху, за закрывающимся люком, остались её товарищи. Но она не оборачивалась. Она шла к звуку.

Глава четвертая

Лестница уходила вниз бесконечно. Элина считала ступени — механически, чтобы не думать о том, что её окружает. Шестьдесят семь. Шестьдесят восемь. Шестьдесят девять. Металл под ногами скрипел, как будто каждый шаг был последним, и она чувствовала вибрацию сквозь подошвы ботинок — ровную, низкую, похожую на пульс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.